

УДК 94(470) «19/...»:63(571.150)

DOI: 10.18324/2224-1833-2023-2-152-155

Взаимоотношения государства и крестьянства в вопросах переустройства сельского хозяйства в период сплошной коллективизации (на материалах алтайской деревни)

В.А. Яровикова

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, пр. Ленина, 46, Барнаул, Россия
yarovicova.vica@mail.ru

Статья поступила 29.05.2023, принята 13.06.2023

Массовая коллективизация привела к радикальному преобразованию аграрного строя. В ходе ее осуществления произошла скоротечная ликвидация индивидуального крестьянского хозяйства как организационно-производственной основы сельского хозяйства. Статья посвящена неоднозначному процессу взаимоотношений государства и крестьянства в период коллективизации. В материалах статьи на основе широкого круга источников реконструирован исторический опыт осуществления коллективизации. Проанализированы и описаны государственные меры и формы репрессий, направленные на ликвидацию кулацких хозяйств. На многочисленных примерах показано участие государственных, партийных органов, принимавших непосредственное участие в организации этой деятельности.

Ключевые слова: коллективизация; государство; крестьянство; сельское хозяйство.

The relationship between the state and the peasantry in the restructuring of agriculture during the period of continuous collectivization (based on the materials of the Altai village)

V.A. Yarovikova

Polzunov Altai State Technical University; 46, Lenin Pros., Barnaul, Russia
yarovicova.vica@mail.ru

Received 29.05.2023, accepted 13.06.2023

Mass collectivization led to a radical transformation of the agrarian system. In the course of its implementation, the transient liquidation of the individual peasant economy as the organizational and production basis of agriculture took place. The article is devoted to the ambiguous process of the relationship between the state and the peasantry during the period of collectivization. In the materials of the article, based on a wide range of sources, the historical experience of collectivization is reconstructed. The state measures and forms of repression aimed at the liquidation of Kulak farms are analyzed and described. Numerous examples show the participation of state and party bodies that were directly involved in the organization of this activity.

Keywords: collectivization; state; peasantry; agriculture.

Коллективизация сельского хозяйства в СССР, будучи высшим проявлением «социалистических преобразований» деревни, предусматривала ликвидацию единоличного семейного хозяйства и тем самым вела к уничтожению крестьянства как класса самостоятельных товаропроизводителей.

На протяжении 1920-х гг. в деревне стали появляться различные формы кооперирования крестьянства — товарищества (машинные, семеноводческие), колхозы — товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы), сельхозартели, коммуны. В декабре 1927 г. состоялся XV съезд ВКП(б), вошедший в историю СССР как «съезд коллективизации».

Именно на нем впервые была поставлена практическая задача перехода от простейших производственных объединений к созданию крупных коллективных хозяйств для совместной обработки земли, централизованного снабжения их тракторами и другой сельскохозяйственной техникой, проведения кредитования. Реально стал решаться вопрос о создании машинно-тракторных станций (МТС) как опорных пунктов колхозного движения, и уже осенью 1929 г. возникли первые районы сплошной коллективизации (в основном вокруг МТС) [1].

Проблемы с хлебозаготовками, особо обострившиеся к началу 1928 г., привели к введению

руководством страны чрезвычайных мер: досрочному взысканию с крестьян всех налогов, платежей по ссудам и страхованию, введению дополнительных сборов. Этому предшествовала серия поездок членов Политбюро ЦК ВКП(б) в хлеборобные регионы страны с целью убедить местные партийные и советские органы проводить впредь в отношении «саботажников» политику принуждения. Так, в Западной Сибири в январе 1928 г. работал генеральный секретарь ЦК И.В. Сталин. Побывав в Новосибирске, Барнауле, Рубцовске и Омске, он в своих выступлениях ратовал за широкое использование против крестьян, отказывающихся сдавать хлеб государству по фиксированным ценам, мер уголовного преследования [2]. Подобные «советы-указания» высших руководителей немедленно проводились на местах в жизнь.

В конце 1920-х гг. руководство страны вплотную подошло к принятию решения о «последнем, решительном бое» с кулачеством, что означало насильственную административную экспроприацию крестьянских хозяйств с выселением семей с постоянного места жительства. Не менее важным признавалось экономическое воздействие на зажиточных крестьян посредством налогообложения. В 1928 г. началось выявление кулацких семей с фискальной целью, вводилось прогрессивное индивидуальное обложение крестьянских дворов, которое многократно превышало существующий ранее сельскохозяйственный налог на крестьянский двор, повышались ставки обязательных страховых платежей [3]. Именно усиление податного бремени в сочетании с ограничением хозяйственной самостоятельности зажиточных крестьян ускорило процесс раскулачивания деревни. Многие зажиточные хозяйства разорились, но большинство из них распродало и сокращало свое хозяйство, практически сводили его до минимума. Советское государство, эффективно используя административный ресурс, создавало социально-экономическую обстановку, в которой «крепкий» мужик (кулак, середняк) объективно не мог существовать. И все же, политика ограничения и вытеснения кулачества представляла собой первый этап партийно-государственной экспансии в деревне. Далее предстояло решить «кулацкий вопрос» окончательно.

С декабря 1929 г. в советской деревне стала проводиться политика ликвидации кулачества как класса [4]. Были отменены законы об аренде земли и найме труда, таким образом кулаки лишились земли и наемных работников. Власть решительно сняла запрет с раскулачивания, чем развязала бурную «инициативу снизу», которая, впрочем, сразу была взята «верхами» под контроль. В де-

ревне начался так называемый «великий перелом», приведший к эпохальным социально-экономическим сдвигам в СССР.

В начале января 1930 г. принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», в котором определялись сжатые сроки форсированной коллективизации. 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [5], разделив кулаков на две категории — «контрреволюционный кулацкий актив» и «наиболее богатые кулаки». Первые подлежали немедленной ликвидации — расстрел или длительный лагерный срок с конфискацией имущества, уделом вторых была высылка вместе с семьями в отдаленные районы страны. У раскулачиваемых изымали все их имущество. 2 февраля 1930 г. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) издало приказ «О ликвидации кулачества как класса», где были определены три категории кулацких хозяйств. Судьба зажиточного хозяйства зависела от того, к какой категории оно отнесено: в отношении кулаков первой категории решения принимали «тройки», в которые входили первый секретарь райкома партии, председатель райисполкома, представитель ОГПУ (арест, заключение в лагерь, тюрьму). Списки кулаков второй категории составлялись местными советскими органами с привлечением беднячко-средняцкого актива. Окружные исполкомы решали вопросы об отнесении крестьянских хозяйств к кулацким по третьей категории. Конфискация имущества производилась особоуполномоченными райисполкомов с участием представителей сельского совета, колхозов, батрачко-бедняцких групп и батрачковых [6]. Все это создавало видимость значения роли советов и народных масс в проведении процесса раскулачивания.

1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», на основании которого исполнительные органы власти получили право производить выселение и раскулачивание кулаков. Переход к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации решительно поддержал и XVI съезд партии, состоявшийся в июне-июле 1930 г. Ноябрьский 1930 г. пленум ЦК ВКП(б) поставил задачу проведения сплошной коллективизации на основе сельскохозяйственной артели [7]. Задачу планировалось решить осенью 1931 г. или весной 1932 г. Повсеместно

стно закипела кампания: крестьян буквально загоняли в колхозы. По отчету Бийского окружного комитета ВКП(б), по округу на 1 октября 1929 г. коллективизацией было охвачено 4 % хозяйств, а на 15 марта 1930 г. — 74 % [8]. Насильственная коллективизация сопровождалась лишением избирательных прав, раскулачиванием, экспроприацией имущества. В первой половине 1931 г. началось массовое выселение крестьян из мест постоянного проживания. И хотя партийно-государственная верхушка на одном из этапов коллективизации «признала» факты перегибов при проведении этой кампании, «осудила» метод принуждения к вступлению в колхозы (постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном строительстве»), это был лишь политический маневр перед лицом возмущения значительной массы крестьянства.

К концу 1932 г. коллективизация сельского хозяйства в СССР в основном была завершена, а кулацкие хозяйства полностью уничтожены. В результате форсированных социальных преобразований в деревне, сопровождавшихся широким использованием насильственных методов и политическими репрессиями по отношению к крестьянству, в стране исчез «крепкий» зажиточный мужик и образовались колхозы — как альтернатива «старому» укладу жизни и хозяйствования на земле. Вместе с тем, не представляющие никакой угрозы советскому строю немногочисленные мелкие единоличные хозяйства продолжали какое-то время существовать.

Такой разгром советской властью «самодостаточного крестьянства» мог произойти вследствие целого ряда причин, и главное — за счет привлечения на свою сторону массы бедняков и значительной части середнячества. Хорошо поставленная «колхозная» агитация, разъяснение «политики партии и правительства», прямое политическое заигрывание с сельскими пролетариями сделали свое дело: одна часть деревни помогла «выдавить из жизни» другую.

Мощное наступление советской власти на крестьян-единоличников разных уровней достатка, «выдавливание» их из системы социальных отношений не могли не вызвать законного возмущения и сопротивления. Причем в иерархии крестьянских антипатий с 1928 по 1931 гг. доля «коллективизации» постоянно возрастала. С теми, кто открыто высказывал свое недовольство, пытался каким-то образом сорганизоваться для

отпора «грабильке», власть расправлялась с помощью 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР, охватывавшей широкий спектр «контрреволюционных преступлений».

На Алтае в 1928–1932 гг., согласно базе данных отдела спецдокументации управления архивного дела, органы ОГПУ привлекли по политическим мотивам 7 322 крестьянина, что составило 78 % всех репрессированных за указанный период. Из них 6 836 чел. являлись единоличниками, а 484 — «новоиспеченными» колхозниками [9].

Какие «контрреволюционные» проявления могли служить причинами арестов крестьян? Единоличники привлекались к ответственности за разные формы оппозиции «колхозной идее» и всего, что с ней было связано, а первые колхозники — за возмущение голодом, нищетой, непосильным трудом, злоупотреблениями руководства сельхозартелей... Разумеется, политические репрессии против крестьянства продолжались все «сталинские годы». На кого удобнее всего было списать неудачи в «обновленном» сельском хозяйстве? Конечно же, на «вредителей»-колхозников. Тем более что несчастный сельский труженик в правовом отношении был совершенно незащищен.

Политические репрессии на Алтае в начале 1930-х гг. характеризовались появлением крупных групповых политических дел (о «контрреволюционном заговоре в сельском хозяйстве Западно-Сибирского края» (1931–1933); о «контрреволюционной организации, действовавшей в Барнаульском и Бийском округах» (1930–1931 гг.); о «контрреволюционной повстанческой организации в Солонешенском, Быстроистокском и Бийском районах» (1930–1932) и др.) [10–12]. Возникали они, конечно, не на пустом месте. Те или иные формы сопротивления крестьянами действительно практиковались; в большинстве же случаев люди просто высказывались «на злобу дня», давая критические оценки действиям центральных и местных властей. В условиях неумолимого государственного прессинга иначе и быть не могло.

Таким образом, массовая коллективизация привела к радикальному преобразованию аграрного строя. В ходе ее осуществления произошла скоротечная ликвидация индивидуального крестьянского хозяйства как организационно-производственной основы сельского хозяйства. Стоит отметить, что отрицательные социальные и экономические последствия, начавшиеся во время коллективизации деревни, сказывались на протяжении всей последующей советской истории.

Литература

1. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1932). М., 1933. Ч. II. С. 433-449.
2. Сталин И. Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 1-9.
3. Справка о результатах проведения операций с кулацкими хозяйствами по Барнаульскому округу, направленная в Барнаульский ОК ВКП(б) // Гос. архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-4. Оп. 3. Д. 125. Л. 31-35.
4. Телеграмма секретаря Сибирского крайкома ВКП(б) в Барнаульский ОК ВКП(б) о выявлении и осуждении кулаков // ГААК. Ф.П-4. Оп. 3. Д. 24. Л. 2.
5. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1932). М., 1933. Ч. II. С. 792-793.
6. Из информации Барнаульского окружного земельного управления об организации труда в крупных колхозах в районах сплошной коллективизации // ГААК. Ф.Р-101. Оп. 1. Д. 365. Л. 114-134.
7. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1932). М., 1933. Ч. II. С. 649-657.
8. Контрольные цифры коллективизации сельского хозяйства Барнаульского округа на 1928-1929 год, представленные Барнаульским окружным земельным управлением // ГААК. Ф.Р-101. Оп. 1. Д. 237. Л. 35-36.
9. Отдел спецдокументации управления архивного дела Алтайского края (ОСД УАДАК). Ф.Р-2. Оп. 7. Д. 18109. Л. 37-38.
10. Приговор Барнаульского окружного суда в отношении И.С. Баева, обвиняемого в эксплуатации наёмных рабочих и агитации против политики государства в деревне // ГААК. Ф.П-4. Оп. 3. Д. 128. Л. 89.
11. Viola Lynne. The best sons of the fatherland: Workers in the vanguard of Sov. collectivization. New York; Oxford: Oxford univ. press, 1987. 285 p.
12. Hindus Maurice. Red bread: Collectivization in a Russ. village. Forew. by Ronald Grigor Suny. Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, 1988. 372 p.